

УДК 271.2:94(47)

Юрий ОСАДЧИЙ**ПОСЛЕДНИЙ КОШЕВОЙ АТАМАН
ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ ПЕТР КАЛНЫШЕВСКИЙ –
УЗНИК СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ**

В статье рассматривается малоизученный период нахождения последнего кошевого атамана Запорожской Сечи Петра Калнышевского в Соловецком монастыре, ставшего не только местом его политического заточения, но и духовного подвига.

Ключевые слова: Калнышевский, келья, монастырь, монахи, религиозность, Соловки, тюрьма, узник.

Постановка проблемы. В начале июня 1775 по требованию императрицы Екатерины II была ликвидирована Запорожская Сечь, представлявшая собой одну из форм украинской государственности. После взятия российскими войсками Сечи ее кошевой атаман П. И. Калнышевский на долгие годы стал узником Соловецкого монастыря, являвшегося в то время самой мрачной тюрьмой России. Освещение периода политического заточения Калнышевского на Соловках не только дополняет общую картину истории Запорожской Сечи, последним кошевым атаманом которой он являлся, но и способствует раскрытию некоторые аспекты религиозной сферы его жизни и деятельности.

Анализ актуальных исследований. В работах известных российских и украинских исследователей истории запорожского казачества А. А. Скальковского (1808–1899), Д. И. Яворницкого (1855–1940), К. Г. Гуслистого (1902–1973), В. И. Голобуцкого (1903–1993) и Е. М. Апанович (1919–2000) о соловецком заточении Калнышевского или не упоминалось вообще, или сообщалось крайне скупое, без какой-либо конкретики и детализации [1; 4; 8; 15; 21]. В 1965 в Архангельске вышла книга местного историка Г. Г. Фруменкова (1919–1989) “Узники Соловецкого монастыря. Политическая ссылка в Соловецкий монастырь в XVIII–XIX веках” [18]. В ней автор, используя ранее неизвестные архивные документы, описал тюремный режим Калнышевского. Приведенный и скрупулезно проанализированный Фруменковым документальный материал до настоящего времени представляет собой наиболее полную иллюстрацию периода соловецкого тюремного заключения Калнышевского. Сведения о двадцатипятилетнем пребывании бывшего кошевого атамана Запорожской Сечи на Соловках вошли и в докторскую диссертацию Фруменкова [17]. В последние годы привлекают внимание публикации В. В. Грибовского о Калнышевском, в одной

из которых автор описал некоторые нюансы его соловецкого заключения [6]. Отдельные фрагменты о последних годах жизни нашего героя встречаются и в Интернет-ресурсах [13; 14; 16].

Цель данной статьи состоит в попытке автора дать по возможности цельную картину пребывания последнего кошевого атамана Запорожской Сечи Калнышевского в Соловецком монастыре и как политического узника, и как православного монаха.

Изложение основного материала. 5 августа 1775, спустя месяц после взятия Запорожской Сечи российскими войсками, которые возглавлял генерал-поручик Петр Текели, императрица Екатерина II подписала манифест “Об уничтожении Запорожской Сечи и о причислении оной к Новороссийской губернии”. “Мы, – говорилось в манифесте, – восхотели объявить во всей Нашей Империи, к общему известию Нашим всем верноподданным, что Сечь Запорожская в конец уже разрушена со истреблением на будущее время и самого названия запорожских казаков” [9, с. 175–176].

Но в манифесте Екатерины II ничего не говорилось о Калнышевском, что породило немало предположений о его дальнейшей судьбе. Скальковский, например, писал, что последний кошевой атаман Запорожской Сечи перебрался на Дон [15, с. 574]. В одной из казачьих песен содержался намек на то, что Калнышевский бежал в Турцию [18, с. 32]. Согласно же версии, выдвинутой писателем и краеведом из Ромен Данилом Кулиняком, Екатерина II, разыграв роль “гуманитки и благодетельницы”, позволила 85-летнему Калнышевскому вернуться в родное село Пустовойтовку (ныне Роменского района Сумской области), чтобы он мог там тихо дожить свой век. Но через год Калнышевский был переправлен в Петербург в распоряжение Военной коллегии – высшего органа военного управления Российской империи, президентом которой в то время являлся всевластный екатерининский фаворит Григорий Потемкин. Поводом для этого, как считает Кулиняк, стали попытки бывшего кошевого атамана тайно наладить контакты с той частью запорожского казачества, которая после разгона Сечи пыталась восстановить ее за пределами России [14].

Однако, как сообщал 6 июня 1775 Текели в своем донесении Екатерине II, Калнышевский вместе с писарем Иваном Глобой и судьей Павлом Головатым были “взяты под караул” сразу же после “овладения” Запорожской Сечью [3, с. 587]. Поэтому никаких сношений Калнышевского с ушедшими на территорию Османской империи запорожцами и быть не могло. Все это плод фантазии Кулиняка. Арестованная сечевая верхушка была доставлена в Петербург, где Военная коллегия признала их виновными в неповиновении правительству.

21 апреля 1776 Потёмкин подал на рассмотрение Екатерины II свои соображения относительно Калнышевского, Глобы и Головатого. Светлейший князь рекомендовал императрице “повелеть отправить” всех троих **“на вечное содержание в монастыри, из коих кошевого – в Соловецкий**, а прочих – в состоящие в Сибири монастыри, с производением из вступившего в секвестр бывшего запорожского имения: кошевому по рублю, а прочим по полуполтине на день”. Предложение Потемкина было заверено собственноручной подписью Екатерины II [10, с. 99].

Вслед за этим Святейший Синод, ведавший делами Русской православной церкви, получил предписание дать распоряжения соответствующим монастырям [22, с. 196–197]. Отдельно оговаривалось, чтобы “в Соловецком монастыре посылаемого туда узника содержать за неослабным караулом обретающимся в том монастыре солдат” [6].

25 июня 1776 Калнышевский из Петербурга в сопровождении семи конвоиров был отправлен на место своего дальнейшего заточения – Соловецкий Спасо-Преображенский мужской монастырь [5]. Основанный в 1436, он со II пол. XVI в. служил также политической и церковной тюрьмой, в которой содержались узники, обвиненные в тяжких преступлениях против государства и церкви. По жестокости режима соловецкая тюрьма не имела себе равных. Там царили более суровые порядки, чем в других монастырях и во всех светских местах заключения [18, с. 7].

Конвоирование Калнышевского осуществлялось в режиме строгой секретности. В данной начальнику конвоя “подорожной” Калнышевский упоминался как “некоторый арестант”. 11 июля подконвойного доставили в Архангельск, а 29 июля на Соловки, где он был передан архимандриту монастыря Досифею. Последний 30 июля 1776 отчитался о принятии “государевого преступника”. Поскольку все личное имущество кошевого атамана подверглось конфискации, то он прибыл на место заключения без вещей. Вся его одежда была на нем. Поэтому в деле Калнышевского отсутствует “опись шкарба”, которая имелась во всех арестанских делах того времени. [18, с. 33].

Вследствие того, что заточение Калнышевского на Соловки произошло тайно, то долгое время его последнее местонахождение не было известно широкой общественности. Особая роль в локализации места, где завершил жизненный путь последний кошевой атаман Запорожской Сечи принадлежит известному украинскому этнографу и статистику П. С. Ефименко. За участие в тайных революционных кружках он в начале 1860-х гг. был сослан Архангельскую губернию. В архиве Архангельской губернской канцелярии Ефименко и обнаружил “Дело по сообщению государственной Военной коллегии конторы об отсылке,

для содержания, в Соловецкий монастырь кошеваго Петра Калнышевского. Июля 11-го дня 1776 г.” [18, с. 34].

В ноябре 1875 г. в журнале “Русская старина” Ефименко опубликовал статью “Калнышевский – последний кошевой Запорожской Сечи”, в которой привел рассказы старых поморских крестьян о нем [11, с. 415–416]. Регламент содержания в ссылке не позволил Ефименко самому побывать на территории Соловецкого монастыря. Тем не менее, его неоспоримой заслугой стало документальное доказательство того, что после ликвидации Запорожской Сечи Калнышевский был выслан на Соловки, где и скончался. Весной 1887 Соловки посетил украинский историк Яворницкий. Он пытался определить конкретные места заключения Калнышевского в Соловецком монастыре [20, с. 387].

В последнее время в публицистической литературе получило широкое распространение утверждение о том, что Калнышевский первые 16 лет соловецкого заключения провел в темной, холодной, сырой яме размером 1 на 2 метра, заполненной нечистотами. Сначала об этом, основываясь на рассказах архангелогородских поморов, поведал Яворницкий. [20, с. 388]. В 1963 эти рассказы украинский писатель Иван Шаповал пространно изложил в своей книге “В поисках сокровищ”, посвященной жизни и научной деятельности Яворницкого [19, с. 30, 32].

Фруменков считал, что на территории Соловецкого монастыря действительно существовали земляные тюрьмы (колодницкие ямы). Он писал: “...Земляная тюрьма представляла собой вырытую в земле яму, глубиной два метра, обложенную по краям кирпичом и покрытую сверху дощатым настилом, на который насыпалась земля. В крыше прорубывалось отверстие, закрываемое дверью, запиравшейся на замок после того, как туда опускался узник или пища ему. Для спанья пол устилался соломой. Для естественной нужды раз в сутки опускались через потолочное окошко и поднимались для очищения специальные суда” [17, с. 51]. Заключение в земляную тюрьму считалось самым тяжким наказанием. Узники годами не видели солнца, не отличали дня от ночи, теряли счет суткам, неделям и годам.

Однако колодницкие ямы использовались как разновидность епитимьи – “духовного врачевания” лиц, обвиненных в совершении тяжких грехов против церкви. К епитимье по собственной воле прибегали также и наиболее рьяные отшельники-анахореты. Калнышевский не мог быть помещен в земляную тюрьму, так как он не совершал преступлений против морали и религии, а считался важным государственным преступником. К тому же, еще 20 января 1742 императрица Елизавета Петровна своим указом обязала соловецкого настоятеля перевести всех колодников в наземные помещения, а ямы, где они находились ранее, засыпать землей [17, с. 36]. Позже до Петербурга снова

дошли слухи о существовании колоднических ям в Соловецком монастыре. Но выехавший туда в 1758 специальный инспектор ничего не обнаружил и дело о существовании землянных тюрем было закрыто окончательно [2, с. 7–8].

В общей сложности на Соловках Калнышевский пробыл 25 лет, большую часть из которых просидел в тюремной камере. Условия жизни Калнышевского были исключительно строгими [18, с. 37]. Один из первых летописцев истории соловецких заточений Михаил Колчин, побывавший в монастыре дал следующее описание камеры Калнышевского, находившейся в Головенковой башне Соловецкого монастыря: “Перед нами маленькие, аршина в два, двери с крошечным окошечком посередине; двери эти ведут в жилище узника, куда и мы входим. Оно имеет форму лежащего урезанного конуса из кирпича длиной аршина четыре, в ширину сажень, высота при входе три аршина, в узком конце – полтора. При входе справа мы видим скамью – ложе для узника... Стены... сырые, заплесневелые, воздух затхлый, спертый. В узком конце комнаты – маленькое окошко вершков шесть в квадрате, луч света, словно крадучись, через три рамы и две решетки тускло освещает этот страшный каземат... Тому, кто пробыл около получаса в удушающей атмосфере каземата, становится душно, кровь приливает к голове, появляется какое-то беспредельное чувство страха. У каждого, кто тут побывал, даже самого сурового человека, невольно вырывается из груди если не крик ужаса, то тяжелый вздох и с языка слетает вопрос: “Неужели здесь возможна жизнь? Неужели люди были настолько крепкими, что сносили годы этого существования в гробу?” [12, с. 107].

В настоящее время в литературе, посвященной Калнышевскому, ужаснейшая картина его нахождения в каземате Соловецкого монастыря, данная Колчиным, дополняется новыми мрачными красками. Пишут о том, что когда Калнышевского перевели в другое помещение, то в прежней его камере осталось более чем на два аршина нечистот; бывший кошевой атаман одичал, стал угрюм и потерял зрение, у него, как у зверя, выросли большие когти; вся одежда на нем истлела и расплзлась на куски [13; 16]. Фруменков же полагал, что в тюремной камере Калнышевский провел 16 лет. Затем бывший кошевой атаман был переведен в обычную для монахов келью, в которой жил до своей кончины [17, с. 158].

Материальное содержание Калнышевского в заключении производилось за счет денег, ежегодно присылаемых из Новороссийской губернской канцелярии, в казну которой поступило конфискованное имущество бывшего кошевого атамана [6]. В год на содержание и пропитание узника исправно выделялась значительная сумма – 360 рублей (по рублю в день). Для сравнения укажем, что годовое содержание

простого арестанта или монаха обходилось в 9 рублей, т. е. 2,5 – 3 копейки в сутки. Первая сумма денег, предназначенных для Калнышевского, была доставлена в Соловецкий монастырь 29 июля 1776 вместе со знатным узником [18, с. 33]. Деньги приходили практически регулярно, но в случаи их задержки, сумма годового содержания Калнышевского поступала из средств Архангельской губернской канцелярии. Делалось это для для того, чтобы, как писал 23 июня 1777 наместник Соловецкого монастыря Симон архангельскому губернатору Головцыну, “оной кошевой, за неимением себе пропитания, не мог претерпеть голода, и в протчих нуждах недостатка”. Позже Новороссийская губернская канцелярия производила взаиморасчет с властями Архангельской губернии [6].

Довольно сносная материальная обеспеченность Калнышевского позволяла ему за счет собственных средств на более или менее пристойном уровне содержать помещение своего заточения. Так, Фруменков обнаружил в архивах Соловецкого монастыря доклад наместника иеромонаха Симона архимандриту Иерониму, датированный 12 октября 1779 В нем сообщалось о жалобе Калнышевского на протекавшую в его келье крышу (“от дождя велика теча происходит, отчего и платье у него гнеет”). Крышу перекрыли. Все ремонтные работы оплатил Калнышевский [18, с. 33].

В 1787 в честь 25-летия правления Екатерины II была объявлена амнистия. Но она не коснулась ни одного из соловецких узников [17, с. 44]. Тем не менее, режим заключения Калнышевского значительно смягчился. Он был переведен из каземата в более “комфортабельную” одиночную келью, в которых узники, считавшиеся в монастыре обычными монахами, должны были в одиночестве и молитвах достигать духовного спасения. У монахов на достаточно высоком уровне были санитарно-гигиенические условия быта, их помещения хорошо отапливались. Питались заключенные так же, как и монастырские монахи [7]. В соловецкой кухне преобладали рыбные блюда, но и употреблялись различные каши (в скоромные дни – со сливочным маслом, в постные – с постным). В воскресенье даже давали водку. Пища была вполне здоровой, среди соловеццев заболеваний цингой не было [6]. По всей видимости, Калнышевский мог себе позволить, чтобы его стол, по крайней мере, не отличался от обычной монашеской трапезы.

Материальная обеспеченность Калнышевского позволяла ему, даже находясь в заключении, делать богатые дары Соловецкому монастырю. В 1794 он пожертвовал Спасо-Преображенскому собору запрестольный серебряный крест весом более 30-ти фунтов (13,6 килограмма). В 1798 на средства Калнышевского была изготовлена сребропозлащенная риза с венцами, весом 24 фунта. Общая стоимость подарков

составила половину всех выделенных на содержание Калнышевского денежных средств за 25 лет его пребывания в Соловецком монастыре [6]. Щедрые пожертвования, благочестивая смиренность и откровенная набожность Калнышевского не могли не вызывать искреннего уважения к нему всей монашеской братии.

12 марта 1801 на престол Российской империи взошел внук Екатерины II Александр I. По случаю коронации, стремясь продемонстрировать либеральный курс своей внутренней политики, он 15 марта издал указ об амнистии лиц, содержащихся в заключении по ведомству Тайной экспедиции. В число амнистированных вошел и Калнышевский [13]. 4 мая 1801 архимандрит Соловецкого монастыря Иона объявил ему волю императора. Монастырский писарь следующим образом записал ответ бывшего кошевого атамана: "...Поелику ныне достиг уже я совершенно глубокой ста десятилетней старости и лишася совершенно зрения, не могу отважиться пуститься в путь столь дальний, а расположился остатке дней моих посвятить в служение Единому Богу в сем блаженном уединении, к коему чрез дватцатипятилетнее время моего здесь пребывания привык я совершенно, в обители сей ожидать с спокойным духом приближающагося конца моей жизни". Кроме того, Калнышевский высказал просьбу сохранить ему ежегодную выдачу 365 руб. "дабы остаток дней моих, мог я провести здесь безбедно". 11 июля 1801 просьба Калнышевского была удовлетворена Александром I, который предписал "оное жалованье продолжать производить по смерти его" [6].

Итак, получив свободу, слабый здоровьем, совершенно ослепший Калнышевский, следуя старому запорожскому обычаю, остался доживать свой век простым послушником в Соловецкой обители, спокойно и ревностно исполняя требуемые православной церковью обряды. Как видим, в Соловецком монастыре религиозность Калнышевского еще более усугубилась и, судя по всему, дала духовные плоды.

После царской амнистии Калнышевский прожил еще два года и скончался 31 октября (по ст. ст.) 1803. Монашеская братия похоронила его на почетном месте – на южном подворье Спасо-Преображенского собора, рядом с могилами видного государственного и церковного деятеля начала XVII в. Авраамия Палицына и соловецкого архимандрита Феодорита. Обычно же простых монахов хоронили за пределами Соловецкого кремля [13].

В 1856 по указу настоятеля монастыря архимандрита Александра (Павловича) на могиле Калнышевского установили большую каменную плиту с высеченной на ней надписью: "Здесь погребено тело в Бозе почившего кошевого бывшей некогда грозной Запорожской Сечи Казаков атамана Петра Калнышевского, сосланного в сию обитель

по Высочайшему повелению в 1776 г. на смирение. Он в 1801 г. по Высочайшему повелению был снова освобожден, но уже сам не пожелал оставить обитель, в коей обрел душевное спокойствие Смиренного христианина, искренне познавшего свои вины. Скончался 1803 года, октября 31 дня, в субботу, 112 лет от роду, смертью благочестивою, доброю” [6].

Выводы. Последний кошевой атаман Запорожской Сечи Калнышевский, безусловно, является колоритной и в тоже время драматичной фигурой украинской истории, что было обусловлено колониальной политикой России. Его жизнь и деятельность стали зеркальным отражением истории Запорожской Сечи, ее успехов, трудностей и противоречий. Поэтому вовсе не случайно переплетение трагических судеб Калнышевского и самой Сечи. По сути, трагизм конца запорожского казачества со всей силой отразился на судьбе кошевого атамана, приговоренного к пожизненному заключению в Соловецком монастыре, который стал местом его духовного подвига. Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата на своем Поместном Соборе, состоявшемся 11 июля 2008 канонизировала Калнышевского как Петра Многострадального и причислила его к лику святых для общего церковного почитания.

Литература

1. Апанович О. М. Гетьмани України і кошові отамани Запорозької Січі. – К. : Либідь, 1993. – 280 с.
2. Буров В. А. Головленкова тюрма XVI–XVIII вв. Соловецкого монастыря. – СПб. : НПО “Омега”, 2000. – 63 с.
3. Всеподданнейшее донесение императрице Екатерине II генерал-поручика Текелия, об уничтожении Запорожской Сечи. Сообщил Гавриил, архиепископ Тверской // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1853 – Т. 3. – С. 587–589.
4. Голобуцький Володимир. Запорозьке козацтво. – К. : Вища школа, 1994. – 539 с.
5. Грибовский Владислав. Калнышевский против Екатерины II : кто же победил в борьбе за колонизацию Юга Украины? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.cossackdom.com/articles/g/gribovskiy_kalnishevsky02083.htm
6. Грибовский В. В. Соловецкое заключение Петра Калнышевского в микроисторической прорисовке [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://solovki-monastyr.ru/library/733/>
7. Грибовський В. В. Українські політичні в'язні XVIII–XIX століття у фіно-угорських країнах Півночі Європи [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://inskoz.iatp.org.ua/stati/grib.htm>
8. Гуслистый К., Апанович О. Запорозька Січ та її прогресивна роль в історії українського народу. – К. : Держполітвидав УРСР, 1954. – 324 с.
9. Димов В. А. Потемкин в жизни : человек – миф восемнадцатого века : свод свидетельств о жизни и деятельности основателя Новороссии – М. : Изд. центр “Классика”, 2003. – 559 с.
10. Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. – М. : Наука, 1997. – 632 с.

11. Ефименко П. С. Калнишевский, последний кошевой Запорожской Сечи. 1791–1803 // Русская старина. – 1875. – Т. XIV. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1875. – С. 395–420.
 12. Колчин М. А. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. Исторический очерк. – М. : Посредник, 1908. – 277 с.
 13. Петр Калнышевский (1691–1803 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ukrhistory.com.ua/100/100_velikih_ukraincev/35.html
 14. Последний атаман Запорожской Сечи Петр Иванович Калнышевский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://faithfulcossacks.mybb.ru/viewtopic.php?id=612>
 15. Скальковський А. О. Історія Нової Січі або останнього Коша Запорозького. – Дніпропетровськ : Січ, 1994. – 680 с.
 16. Струкевич Алексей. Последний кошевой Запорожской Сечи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya-posledniy-koshevoy-zaporozhskoy-sechi>
 17. Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь в XVI–XIX веках как секретная государственная тюрьма и пограничная военная крепость Русского государства : дисс. ... д-ра ист. наук. – Архангельск : Арханг. гос. ун-т, 1966. – 240 с.
 18. Фруменков Г. Г. Узники соловецкого монастыря. Политическая ссылка в Соловецкий монастырь в XVIII–XIX веках. – Архангельск : Северо-зап. кн. изд-во, 1965. – 124 с.
 19. Шаповал Иван. В пошуках скарбів. – К. : Дніпро, 1965. – 270 с.
 20. Яворницький Д. І. Запорозжя в залишках старовини і переказах народу. – Ч. II. – Дніпропетровськ : Арт-Прес, 2005. – 401 с.
 21. Яворницький Д. І. Історія запорозьких казаків : в 3 т. – Т. 3. – К. : Наук. думка, 1990. – 456 с.
 22. Яворницький Д. І. Твори : у 20 т. – Т. 1 : ст. та матеріали до історії України. – Київ – Запоріжжя : Тандем-У, 2004. – 520 с.
- Отримано 31.05.2014

Анотація

Осадчий Юрій. Останній кошовий атаман Запорізької Січі Петро Калнишевський – в'язень Соловецького монастиря.

У статті розглядається маловивчений період знаходження останнього кошового отамана Запорізької Січі Петра Калнишевського в Соловецькому монастирі, який став не тільки місцем його політичного ув'язнення, але й духовного подвигу.

Ключові слова: *Калнишевський, каземат, келія, монастир, ченці, релігійність, Соловки, в'язень.*

Summary

Osadchy Yuri. The last ataman of the Zaporozhian Sich Petro kalnyshevskiy – prisoner of the Solovetsky monastery.

The article examines the little-known period of the last term of otaman of the Zaporozhian Sich Petro kalnyshevskiy in the Solovetsky monastery, which became not only the place of its political imprisonment and a spiritual feat.

Keywords: *Kalnyshevskiy, kellia, the monastery, the monks, religious-asmosti, Solovki, a prison, a prisoner.*